

Огни в Зале правосудия горели почти всю ночь.

Линь Фэн притащил потерявшего сознание убийцу и без колебаний ударил в барабан, созывая правосудие.

Улики и свидетель были налицо, а поскольку Линь Фэн, хоть и утратил прежнюю силу, всё ещё носил славу бывшего гения, старейшины Зала правосудия отнеслись к делу со всей серьезностью.

Ночной допрос не позволил вывести имя заказчика напрямую, но удалось установить связь нападавшего с подпольной группировкой, которая сотрудничала с семьей матери Линь Хао. Все нити вели к самому Линь Хао.

Пусть прямых доказательств для обвинения не хватило, в клане Линь поднялась немалая буря. Линь Хао получил суровое предупреждение от Зала правосудия и был посажен под домашний арест для размышлений о своем поведении. Влияние линии Первого старейшины из-за этого заметно пошатнулось.

После случившегося авторитет Линь Фэна среди боковых ветвей клана негласно возрос.

Люди осознали: даже если гений пал, у этого молодого тигра остались острые когти, и обижать его не стоит. А главное — он, похоже, вовсе не одинок.

Однако сам Линь Фэн понимал: если бы не те три загадочные отравленные иглы, он бы уже лежал холодным трупом.

В последующие дни Тань Юньхан вел себя как обычно. По утрам он оставлял порцию укрепляющего состава, его взгляд оставался спокойным, а манеры — отстраненными, будто та ночная пугающая засада не имела к нему никакого отношения.

Но Линь Фэн больше не мог смотреть на эту холодность по-старому.

За ледяной маской скрывались неоднократная помощь в трудную минуту, точнейшие советы по боевым искусствам и безмолвное, смертоносное оберегание глубокой ночью.

Каждый раз Тань Юньхан появлялся именно тогда, когда это было нужно, и каждый раз, не требуя благодарности, просто разворачивался и уходил.

Эта молчаливая, тяжеловесная и даже немного неуклюжая забота была подобна горячему потоку, что растапливал сердце Линь Фэна, которое начало покрываться льдом от предательства и притеснений.

Он стал внимательнее наблюдать за Тань Юньханом.

Он заметил, что, когда тот протягивал бамбуковый тубус, его пальцы всегда были чисто вымыты, а ногти аккуратно подстрижены.

Он заметил, что, когда Тань Юньхан уходил, из-под старой ленты, которой были подвязаны волосы, всегда выбивалась непослушная черная прядка.

Он заметил, что, когда он сам, увлеченный успехами в тренировках, случайно делился радостью, опущенные ресницы Тань Юньхана едва заметно дрожали, а крошечная родинка под глазом словно становилась мягче.

Он даже заметил, что сегодня на Тань Юньхане были надеты неприметные серьги, выточенные из крошечных сухих веточек. Они странным образом гармонировали с его грубой синей одеждой, при этом сохраняя оттенок невыразимого изящества.

Эти мелкие детали, которые раньше ускользали от внимания, теперь стали для Линь Фэна бесконечно четкими и обрели новый смысл.

Этот человек вовсе не был холодным и бессердечным.

Он просто глубоко запрятал все чувства под маской спокойствия, выражая свою заботу столь уникальным и скрытным способом.

От этого осознания сердце Линь Фэна наполнилось чем-то до краев, заняло и отозвалось горячей волной.

В то утро Тань Юньхан, как обычно, принес укрепляющий состав. Поставив тубус на привычное место, он собрался уходить.

— Брат Тань, — внезапно позвал его Линь Фэн.

Тань Юньхан остановился и обернулся, вопросительно глядя на него. Утренний свет пробивался сквозь листву, рисуя пятна на его бледном лице, а черные, как смоль, глаза оставались холодными.

Линь Фэн подошел ближе, но не стал сразу брать тубус. Он встал перед Тань Юньханом, пристально глядя на него. В его глазах больше не было прежних подозрений — лишь жгучая, почти выплескивающаяся наружу благодарность и нечто более сложное.

Он глубоко вдохнул, и от волнения его голос прозвучал низко и хрипло:

— Брат Тань, великое добро не выразить словами. И в ту ночь, и до того — я всё помню!

Он помедлил и, глядя на собеседника с еще большим жаром, твердо произнес:

— Если я чего-то добьюсь в этой жизни, то никогда не забуду сегодняшней милости!

Это не было пустой вежливостью — это была клятва юноши, идущая из самой глубины сердца.

Тань Юньхан отчетливо увидел в глазах Линь Фэна нескрываемый, почти обжигающий свет. Он был таким сильным, прямым и наполненным весом чувств, что кардинально отличался от холодных цифр, расчетов и деловых переговоров, к которым он привык.

Он привык анализировать выгоду, взвешивать потери и приобретения, составлять планы и шаг за шагом вести цель к намеченному результату. Он вычислял время для каждого контакта и эффект каждой фразы, словно самый точный механизм.

Он предвидел благодарность Линь Фэна — это было частью его плана.

Но сейчас в глазах Линь Фэна отражалось нечто большее, чем просто признательность. Там читалось более сильное, пока не поддающееся точному определению чувство — своего рода зависимость и доверие.

Этот свет оказался гораздо сильнее и тяжелее, чем он предполагал.

На мгновение мозг Тань Юньхана, работавший как прецизионный прибор, словно дал сбой. Странное, едва уловимое ощущение заминки промелькнуло в глубине его ледяного сердца.

Он привык всё контролировать и вписывать любые реакции в свои расчеты. Но человеческие чувства, по-видимому, невозможно было измерить сухими планами и процентами.

Это ощущение было настолько чуждым, что вызвало у него легкую, почти незаметную растерянность.

Однако замешательство длилось лишь миг. Двадцатисемилетняя привычка и образ мышления, словно прочнейшая броня, быстро сгладили и подавили эту крошечную рябь.

Он мгновенно вернулся в рабочее состояние, опустил взгляд, избегая слишком горячего взора, и произнес тоном, в котором старался сохранить прежнюю отстраненность:

— Пустяки, не стоит брать в голову.

Он сделал паузу, словно желая сменить тему, и, взглянув на руки Линь Фэна, ставшие жилистыми от упорных тренировок, добавил своим обычным аналитическим тоном:

— Твой цвет лица улучшился, внутренняя энергия стала плотнее. Возможно, прорыв близок. Укрепление основ — вот что сейчас важнее всего.

Сказав это, он не дал Линь Фэну возможности продолжить, слегка кивнул и развернулся. Его походка оставалась ровной, а спина — прямой и холодной, словно той секундной заминки никогда и не было.

Линь Фэн стоял на месте, глядя вслед удаляющемуся силуэту. Вместо разочарования из-за холодности собеседника его губы невольно тронула улыбка.

Опять он скрывается.

Слышал ли он? Понял ли он весь вес слов о том, что Линь Фэн никогда не подведет его?

Конечно, слышал и понял. Именно поэтому он избегал взгляда и так неуклюже перевел тему.

Оказалось, что этот скрытный, пугающе спокойный младший брат тоже может теряться?

Это открытие заставило чувства внутри Линь Фэна вспыхнуть с новой силой. Ему казалось, что он заглянул под айсберг и увидел там крошечный, но настоящий теплый поток.

Он крепко сжал бамбуковый тубус, и его тепло, казалось, разлилось по всему сердцу.

А Тань Юньхан, быстро уходя, лишь когда убедился, что Линь Фэн его больше не видит, едва заметно замедлил шаг.

Утренний ветер трепал его длинные волосы, принося прохладу.

В голове, на удивление, не было слышно привычного стрекота 007, лишь тихий шепот:

— Хозяин, только что... вы как будто зависли?

Тань Юньхан не ответил. Он лишь слегка нахмурился, глядя на освещенную утренним светом тропинку.

Что это было за чувство?

Эмоциональный отклик вне плана? Целевые показатели привязанности превысили прогноз?

Он машинально поднял руку и коснулся кончиками пальцев сережек из сухих веточек — вчера он нашел их в горах и обточил, чтобы заменить ими обычные заглушки.

Этот процесс помогал ему мыслить хладнокровно.

Человеческие чувства оказались куда сложнее деловых данных, а их переменные было невозможно полностью контролировать.

Но...

Он глубоко вздохнул, и его взгляд снова стал холодным и сосредоточенным.

<http://bllate.org/book/22471/2365248>